

Структура и психологические механизмы формирования религиозного сознания

А. М. Двойнин (г. Москва)

Вопросы структуры и психологических механизмов формирования религиозного сознания представляются значимыми для понимания психологических предпосылок и закономерностей проявления религиозного радикализма. При этом в современной психологии нет единства в трактовке структурной организации религиозного сознания, а представления о механизмах его формирования носят весьма обобщенный характер (например, отсылая к базовым социально-психологическим механизмам внушения, убеждения или к комплексному процессу индоктринации).

Ранее нами был предложен авторский подход к пониманию индивидуально-психологического механизма формирования религиозного сознания на основе идей культурно-исторической теории Л. С. Выготского о знаково-символическом опосредствовании психических процессов¹. Согласно его теории, используя для решения психологических задач имеющиеся в культуре знаково-символические средства (знаки-объекты, графические образы, числа, слова и др.), человек овладевает собственным поведением и психикой. Например, при задаче запоминания человек может пользоваться своей произвольной памятью («что запомнилось – то запомнилось») без применения культурных средств. А может прибегнуть к *опосредствованному* запоминанию – записать информацию в память смартфона или использовать специальные мнемотехнические приемы. Знаки и символы таким образом становятся своеобразными «психологическими орудиями».

Сознание, по Л. С. Выготскому, имеет семантическую природу и формируется в онтогенезе как результат овладения ребенком особой знаковой системой – языком². Языковые знаки обладают *значениями*, освоение которых в процессе речемыслительной деятельности, позволяет ребенку выделить себя из среды (природной, предметной), т. е. осознать мир и себя как отдельные сущности. Можно сказать, что осознать объект – это приписать ему определенное значение. Помимо системы культурно-детерминированных значений структуру сознания образуют *личностные смыслы* – психические образования, выражающие субъективную значимость чего-либо для человека.

Если рассмотреть религию как систему особых культурных (знаково-символических) средств – «религиозных психологических орудий» (объектов, ритуалов, образов, значений), то

¹ Двойнин А. М. Природа религиозного сознания в оптике культурно-исторической психологии Л. С. Выготского // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2022. – Вып. 104. – С. 123-143. DOI: 10.15382/stur12022104.123-143

² Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Он же. Психология. – М.: Апрель Пресс; ЭКСМО-Пресс, 2000. – С. 512-755.

религиозное сознание предстает как результат наиболее сложной формы опосредствования человеком собственного поведения и психики – оперирования религиозными значениями (понятиями). Использование верующим в практической жизни религиозных нарративов и понятий (Бога, греха, ада, рая, спасения, просветления, джихада и т.п.) формирует структуру религиозного сознания – совокупность *семантических и смысловых связей*, интегрирующих различные элементы опыта человека. Например, тело для верующего становится «плотью» (религиозное значение) и субъективным источником искушений (личностный смысл), проявление агрессии – «грехом» и может восприниматься как проявление слабости духа и т. д.

В религиозном сознании мир репрезентирован дуалистично – в феноменальном плане он разделен на мир «земной», естественный (конечный, преходящий, непостоянный) и мир божественный, сверхъестественный (бесконечный, вечный, постоянный). Но с объективистской психологической позиции, в религиозном сознании в определенной степени слиты субъективный и объективный планы восприятия реальности.

Поскольку верующий опосредствует свое поведение не только религиозными значениями, то в его сознании обычно присутствуют также нерелигиозные значения и смыслы, которые могут быть в разной степени интегрированы с религиозными. При условной норме в сознании верующего какая-либо часть его опыта (событие, цель, деятельность и др.) «опутана» многообразными семантическими и смысловыми связями. Например, работа может одновременно иметь смысл служения Богу, вклада в благополучие общества, возможности творчески реализовать себя или общаться с коллегами. Такой верующий может легко выделять разные планы/контексты реальности, каждый из которых может в его сознании отражаться как относительно автономный – обладающий своими закономерностями, самоценный и т. п.

В случае так называемого «зауженного» сознания, нерелигиозные семантические и смысловые связи редуцируются и уплощаются – любой элемент опыта воспринимается главным образом в религиозном контексте, интерпретируется в религиозных значениях. Поскольку нерелигиозные контексты в сознании такого верующего редуцированы и теряют свою автономию (психологически трудно их выделять), нерелигиозные стороны мира обесцениваются, происходит поляризация религиозного и нерелигиозного. Сложная иерархия мотивов поведения упрощается, интересы замыкаются на религии, сужается диапазон целей деятельности – отпадают секулярные цели, поведенческий репертуар беднеет, ключевым стремлением становится достижение личной праведности и целей (идеала) религиозной доктрины.

Предположительно, описанное явление «зауженного» сознания может быть личностной предпосылкой для проявления радикализма при определенных условиях: относительной оппозиции религиозной группы к социуму, наличия харизматического религиозного лидера, появления некоего события-триггера и др.

Двойнин Алексей Михайлович – кандидат психологических наук, доцент. Доцент департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», член исполнительного комитета Русского религиозоведческого общества.